

Международно-правовые и сравнительно-правовые исследования

УДК 342.4:004.8
ББК 76.400

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ОБЩЕСТВА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ РОССИИ И СТРАН АЗИИ

В. А. Дмитриенко

Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия)

Аннотация: Статья посвящена конституционно-правовому анализу влияния искусственного интеллекта на систему социальных институтов общества (семью, религию, здравоохранение, образование, мораль) в сравнительной перспективе Российской Федерации и стран Азии (Китая, Японии, Южной Кореи, Сингапура, Индии, Казахстана). Предложена авторская типология рисков воздействия искусственного интеллекта на социальные институты по критерию обратимости последствий: обратимые (процедурно-организационные), условно обратимые (ценностно-коммуникативные) и необратимые (идентичностно-структурные). На основе сравнительно-правового метода выявлены различия в конституционно-правовых подходах к регулированию искусственного интеллекта в социальной сфере. Обоснована необходимость развития конституционно-правовых механизмов защиты социальных институтов в условиях цифровой трансформации с учётом опыта азиатских юрисдикций.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социальные институты, конституционно-правовое регулирование, цифровизация общества, алгоритмическая предвзятость, цифровое неравенство, сравнительное правоведение, конституционные права, правовое регулирование искусственного интеллекта в Азии.

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON SOCIAL INSTITUTIONS: CONSTITUTIONAL LAW ANALYSIS IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE OF RUSSIA AND ASIAN COUNTRIES

V. A. Dmitrienko

South Ural State University (Chelyabinsk, Russia)

Annotation: The article is devoted to the constitutional and legal analysis of the impact of artificial intelligence on the system of social institutions (family, religion, healthcare, education, morality) in a comparative perspective of the Russian Federation and Asian countries (China, Japan, South Korea, Singapore, India, Kazakhstan). The author proposes a typology of risks of AI impact on social institutions based on the criterion of reversibility: reversible (procedural-organizational), conditionally reversible (value-communicative) and irreversible (identity-structural). Based on the comparative legal method, differences in constitutional legal approaches to AI regulation in the social sphere are identified. The necessity of developing constitutional legal mechanisms for protecting social institutions in the context of digital transformation, taking into account the experience of Asian jurisdictions, is substantiated.

Keywords: artificial intelligence, social institutions, constitutional and legal regulation, digitalization of society, algorithmic bias, digital inequality, comparative law, constitutional rights, AI regulation in Asia.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)3.24](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)3.24)

Введение

В условиях цифровой трансформации и стремительного развития информационных технологий искусственный интеллект (далее — ИИ) выступает одним из ключевых факторов перестройки системы социальных институтов. Масштабное и зачастую мало контролируемое внедрение технологий ИИ затрагивает практически все сферы жизнедеятельности общества: семью, религию, здравоохранение, образование, мораль. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. Указа от 15 февраля 2024 г. № 124), определяет ИИ как приоритетное направление технологического развития, одновременно фиксируя необходимость минимизации рисков, связанных с его применением [1].

В конституционно-правовом измерении влияние ИИ на социальные институты затрагивает реализацию целого ряда конституционных прав и свобод: права на защиту семьи, материнства и детства (ст. 38 Конституции РФ), свободы совести и вероисповедания (ст. 28), права на охрану здоровья (ст. 41), права на образование (ст. 43), права на неприкосновенность частной жизни (ст. 23), а также конституционного принципа защиты достоинства личности (ст. 21) [2]. Это позволяет рассматривать проблематику влияния ИИ на социальные институты не только в социально-философском, но и в собственно конституционно-правовом ключе.

Как справедливо отмечает И. Н. Трофимова, развитие социальных институтов и технологий ИИ носит асинхронный характер: они эволюционируют неравномерно и с различной скоростью, что порождает значительные затруднения на пути их взаимной адаптации [3, с. 894]. Законодатель и правоприменитель объективно не успевают формировать регулятивные рамки, адекватные новым возможностям и рискам.

Особую ценность для российской правовой науки представляет опыт стран Азии, многие из которых занимают лидирующие позиции в сфере разработки и внедрения ИИ и одновременно сталкиваются со сходными вызовами в области защиты социальных институтов. Китайская Народная Республика, Япония, Республика Корея, Сингапур, Индия, Казахстан демонстрируют разнообразные подходы к конституционно-правовому регулированию ИИ, анализ которых позволяет выявить как универсальные закономерности, так и национальную специфику.

Целью настоящей статьи является конституционно-правовой анализ влияния ИИ на социальные институты общества в сравнительной перспективе России и стран Азии. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: 1) выявить основные направления воздействия ИИ на институты семьи, религии, здравоохранения, образования и морали; 2) предложить авторскую типологию рисков ИИ для социальных институтов; 3) провести сравнительно-правовой анализ подходов России и азиатских государств к регулированию ИИ в социальной сфере; 4) сформулировать предложения по совершенствованию конституционно-правовых механизмов защиты.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и институциональный методы. Сравнительно-правовой метод применяется для сопоставления подходов к регулированию ИИ в России и странах Азии; формально-юридический — для анализа нормативных правовых актов; системный — для выявления взаимосвязей между технологическим развитием и трансформацией социальных институтов; институциональный — для оценки устойчивости социальных институтов в условиях цифровизации.

1. Теоретические основы: конституционно-правовое измерение воздействия ИИ на социальные институты

Одной из центральных проблем является противоречие между целевым назначением социальных институтов и воздействием ИИ. Социальные институты ориентированы на поддержание стабильности, воспроизводство социального порядка и ценностных оснований общества, тогда как ИИ способен выступать мощным дестабилизирующим фактором, трансформирующим привычные социальные роли, модели поведения и этические нормы. Этические принципы использования ИИ (прозрачность алгоритмов, обеспечение конфиденциальности данных, недопущение дискриминации) зачастую остаются декларативными ввиду отсутствия действенных институциональных механизмов их обеспечения.

В конституционно-правовой доктрине вопрос о допустимых пределах вмешательства ИИ в функционирование социальных институтов может быть осмыслен через призму принципа пропорциональности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ): ограничение конституционных прав допускается лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей [2]. Применительно к ИИ это означает, что его интеграция в социальные институты конституционно допустима постольку, поскольку она не подрывает сущностного содержания соответствующих конституционных прав.

На основании анализа выявленных рисков нами предлагается авторская типология рисков воздействия ИИ на социальные институты по критерию обратимости последствий. К первой группе относятся обратимые (процедурно-организационные) риски: автоматизация рутинных процессов, перераспределение функций между человеком и алгоритмом, организационная перестройка. Эти последствия могут быть устранены посредством корректировки нормативного регулирования и организационных мер. Ко второй группе относятся условно обратимые (ценностно-коммуникативные) риски: снижение качества межличностного общения, ослабление доверия к традиционным институтам, трансформация ценностных ориентаций. Восстановление этих параметров требует значительных усилий и длительного времени. К третьей группе относятся необратимые (идентичностно-структурные) риски: утрата межпоколенческой преемственности, разрушение культурной идентичности, формирование алгоритмической зависимости. Эти последствия носят системный характер и практически не поддаются обращению вспять.

2. Институт семьи

Воздействие ИИ на институт семьи проявляется прежде всего в изменении характера внутрисемейных коммуникаций и перераспределении воспитательных функций. Родители и дети всё чаще отдают предпочтение взаимодействию с ИИ как с удобным, всегда доступным и интерактивным коммуникатором. ИИ способен высказывать суждения относительно ценностей, транслируемых в семье, и давать им оценку, не всегда корректную, релевантную культурному и семейному контексту либо согласованную с воспитательной позицией родителей. Это создаёт риск подрыва основополагающих принципов, защищаемых ст. 38 Конституции РФ: доверия, взаимопомощи, признания авторитета старших [2].

В исследовании, посвящённом влиянию бытового ИИ на детско-родительские отношения, показано, что дети в ряде случаев склонны в большей степени доверять мнению цифрового помощника, чем позиции родителей, что подтверждает феномен снижения родительского авторитета [4, с. 107]. В этом выражается кризис межпоколенческой передачи опыта. Традиционная модель, где старшее поколение выступает носителем мудрости, вытесняется алгоритмическим подходом, основанным на усреднённых данных, зачастую отражающих чуждые конкретному культурному коду установки.

Бесконтрольное проникновение ИИ в институт семьи ставит под угрозу функцию психологической защищённости семьи, гарантированной конституционным правом на неприкосновенность част-

ной жизни (ст. 23 Конституции РФ). ИИ способен негласно корректировать мировоззрение членов семьи, размывая границы частной жизни и ослабляя духовную связь между поколениями.

Перенос значительной части социализации в цифровую среду требует переосмысления механизмов защиты прав несовершеннолетних. Ряд государств переходит к радикальным превентивным мерам. Так, в Австралии в конце 2024 года представлен законопроект, устанавливающий минимальный возраст для пользования социальными сетями на уровне 16 лет. При этом, как отмечают Н. Е. Колобаева и С. Э. Несмеянова, решение проблемы информационной безопасности несовершеннолетних исключительно правовыми ограничениями невозможно [5, с. 21].

Сравнительно-правовой анализ: опыт стран Азии. В Китайской Народной Республике Закон о защите несовершеннолетних (в ред. 2020 г.) содержит специальную главу «Сетевая защита», устанавливающую обязанности провайдеров интернет-услуг по ограничению доступа несовершеннолетних к потенциально вредоносному контенту. В 2023 г. КНР приняла «Временные меры по управлению генеративными сервисами искусственного интеллекта», которые распространяются в том числе на защиту семьи и несовершеннолетних [6]. В Республике Корея Закон о содействии развитию ИИ (2024) предусматривает создание специализированного органа — Комитета по политике в области ИИ, в компетенцию которого входит оценка социальных последствий внедрения ИИ, включая воздействие на институт семьи [7]. Индия в рамках программы Digital India развивает инициативы по цифровой грамотности семей, а Национальная стратегия ИИ (NITI Aayog, 2018) подчёркивает необходимость учёта социокультурного контекста при внедрении ИИ-технологий [8]. Казахстан в Концепции развития ИИ до 2029 года также акцентирует внимание на социальных аспектах применения ИИ [9].

3. Институт религии

ИИ оказывает существенное влияние на религиозные институты, трансформируя как формы религиозных практик, так и способы коммуникации внутри религиозных общин. Пользователи всё чаще прибегают к помощи ИИ для поиска, анализа и интерпретации священных текстов. Это порождает вопросы о достоверности и каноничности таких интерпретаций, поскольку отсутствие надлежащей богословской и герменевтической методологии может приводить к искажению смыслов и появлению нетрадиционных толкований. Получение некорректных интерпретаций способно подорвать доверие, являющееся фундаментом религиозной общины, и спровоцировать рост социальной напряжённости.

А. В. Малышкин указывает на перспективу формирования особого отношения к ИИ как к потенциальному объекту религиозного почитания, отмечая, что сочетание широких функциональных возможностей, кажущейся автономности и слабой регулятивной подконтрольности может способствовать его восприятию как «нового объекта поклонения» [10, с. 449]. И. С. Рудь отмечает высокие риски того, что ИИ может способствовать распространению экстремистских взглядов, поскольку в руках представителей деструктивных организаций он остаётся инструментом распространения ложной информации [11, с. 172].

В конституционно-правовом аспекте данная проблематика затрагивает свободу совести и вероисповедания, гарантированную ст. 28 Конституции РФ. Алгоритмическое вмешательство в религиозную сферу может рассматриваться как посягательство на свободу выбора и исповедания религиозных убеждений в тех случаях, когда ИИ навязывает искажённые или тенденциозные интерпретации.

Вместе с тем нельзя игнорировать позитивный потенциал ИИ для религиозного образования и духовного просвещения. Соответствующие системы способны выступать вспомогательным инструментом в изучении религиозных обрядов, практик и учений. ИИ интегрируется в сервисы, используемые представителями различных религий, включая напоминания о молитвах, постах и религиозных праздниках.

Сравнительно-правовой анализ: опыт стран Азии. В Японии проблематика ИИ и религии приобретает специфическое измерение в контексте синтоизма и буддизма, для которых характерно более открытое отношение к технологиям. Известны случаи применения роботов в буддийских храмах для проведения религиозных церемоний, что вызвало широкую дискуссию о границах допустимости технологий в сакральном пространстве [12]. В Китае регулирование религиозной сферы в целом характеризуется высокой степенью государственного контроля, и «Временные меры по управлению

генеративными сервисами ИИ» (2023) содержат запрет на генерацию контента, нарушающего религиозную политику государства [6]. Индия, будучи многоконфессиональным государством, сталкивается с рисками использования ИИ для разжигания межрелигиозной розни, что актуализирует необходимость конституционно-правовой защиты, основанной на принципах секуляризма, закреплённых в Преамбуле Конституции Индии [13].

4. Институт здравоохранения

Воздействие ИИ на институт здравоохранения носит амбивалентный характер. Среди ключевых проблем — определение круга ответственных лиц при использовании ИИ в диагностике и лечении. В случае ошибочного диагноза возникает сложность атрибуции ответственности между разработчиком, медицинской организацией, конкретным специалистом и пациентом. Отсутствие прозрачности алгоритмов (problem of explainability) не позволяет в полной мере реконструировать логику принятия решения [14, с. 158].

Дополнительным следствием является дегуманизация процесса лечения, выражающаяся в снижении качества личного контакта между врачом и пациентом. Особого внимания заслуживают вопросы информационной безопасности и защиты персональных данных пациентов, гарантированных Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [15]. На практике затруднено отслеживание полного жизненного цикла медицинских данных, включая их передачу третьим лицам и трансграничное перемещение.

Массовое внедрение систем мониторинга здоровья на базе ИИ создаёт проблему чрезмерности медицинской диагностики. Постоянный контроль алгоритмов может провоцировать тревожность и зависимость от цифровых рекомендаций, подрывая автономию личности в вопросах управления собственным здоровьем, защищённую ст. 41 Конституции РФ [2].

Вместе с тем ИИ демонстрирует значительный позитивный эффект: повышение точности диагностики, поддержка принятия врачебных решений, разработка новых лекарственных средств, прогнозирование распространения инфекционных заболеваний. Использование ИИ в первичной диагностике позволяет частично компенсировать дефицит специалистов, особенно в труднодоступных регионах. Автоматизация рутинных процессов высвобождает время врача для индивидуального подхода к пациенту.

Сравнительно-правовой анализ: опыт стран Азии. Китай является мировым лидером по масштабу внедрения ИИ в здравоохранение. «Новое поколение плана развития ИИ» (2017) определяет здравоохранение в качестве приоритетного направления применения ИИ. Параллельно закон КНР о защите персональной информации (PIPL, 2021) устанавливает строгие требования к обработке медицинских данных как «чувствительной персональной информации» [16]. Япония в рамках «Общества 5.0» (Society 5.0) интегрирует ИИ в систему здравоохранения при сохранении высоких стандартов врачебной этики, закреплённых в законе о медицинском обслуживании. Сингапур разработал National AI Strategy 2.0 (2023), в которой здравоохранение определено как приоритетная отрасль для применения ИИ с обязательным соблюдением принципов Model AI Governance Framework [17]. Республика Корея активно развивает ИИ-диагностику, а её закон о содействии развитию ИИ (2024) предусматривает механизмы ответственности за вред, причинённый ИИ-системами в медицине [7].

5. Институт образования

Институт образования является одной из сфер, где технологии ИИ получили особенно широкое распространение. Цифровые обучающие платформы, адаптивные системы тестирования, автоматизированные системы проверки знаний активно используются как обучающимися, так и преподавателями. ИИ помогает персонализировать образовательные программы, выступает помощником в сборе и фильтрации информации, анализирует и выявляет закономерности ошибок [18, с. 289].

Однако ИИ не способен заменить фундаментальную функцию образования как социального института — обеспечение социализации и межличностного взаимодействия, гарантированного ст. 43 Конституции РФ [2]. Происходит трансформация роли преподавателя: от носителя знания он переходит к роли модератора и наставника. Чрезмерная опора обучающихся на ИИ чревата формированием зависимости, ослаблением навыков критического мышления и когнитивной рефлексии.

Когда ИИ берёт на себя функции синтеза и интерпретации информации, обучающийся освобождается от необходимости преодолевать аналитические сложности. Это ведёт к разрушению способности к длительной концентрации и системному восприятию сложных текстов. Возникает угроза формирования функциональной неграмотности нового типа, при которой человек обладает доступом ко всем знаниям, но не имеет внутреннего аналитического аппарата для их верификации.

Вместе с тем ИИ является существенным ресурсом повышения качества и доступности образования. Он позволяет адаптировать программы под индивидуальные потребности обучающихся, способствует расширению доступа к образованию для лиц с ограниченными возможностями здоровья, жителей отдалённых территорий. Актуальные исследования указывают на то, что основной задачей разработчиков должна быть активная просветительская работа по информированию специалистов системы образования о перспективных возможностях разработок [19, с. 268].

Сравнительно-правовой анализ: опыт стран Азии. Китай внедряет ИИ в образование в рамках «Плана действий по инновациям в сфере ИИ в высшем образовании» (2018), при этом «Временные меры» (2023) обязывают провайдеров генеративного ИИ обеспечивать достоверность генерируемого контента, что непосредственно затрагивает образовательную сферу [6]. Южная Корея реализует масштабную программу AI Digital Textbook, предусматривающую внедрение ИИ-учебников в школах с 2025 года [20]. Япония в «Белой книге по образованию» (2024) подчёркивает необходимость формирования «ИИ-грамотности» как базовой компетенции, сохраняя при этом акцент на критическом мышлении и межличностной коммуникации. Индия через платформу DIKSHA (Digital Infrastructure for Knowledge Sharing) использует ИИ для масштабирования доступа к образованию в условиях значительного регионального и социального неравенства [8]. Казахстан включает развитие ИИ-компетенций в систему образования в рамках реализации Концепции развития ИИ [9].

6. Институт морали

Влияние ИИ на институт морали проявляется через особенности данных, на которых обучаются системы. Алгоритмы самообучения опираются на большие массивы информации, содержащие исторически сложившуюся предвзятость, стереотипы и формы социального неравенства. В результате ИИ не только воспроизводит, но и потенциально усиливает дискриминационные практики, что входит в противоречие с конституционным принципом равенства (ст. 19 Конституции РФ) и запретом дискриминации [2].

ИИ активно используется для формирования определённых установок через персонализированные рекомендательные системы и таргетированный контент, что создаёт угрозу личной автономии индивида и повышает риск манипулирования общественным сознанием. Программы на основе ИИ способны генерировать и распространять заведомо недостоверную информацию (дипфейки и др.), что ведёт к росту мошенничества и общего уровня недоверия в обществе.

В настоящее время в России усиливаются дискуссии о границах применения ИИ. Верховный Суд Российской Федерации, рассмотрев дело № 48-ИКАД26-1-А2, поддержал ограничение применения ИИ при создании агитационных материалов избирательных кампаний. Данное ограничение направлено на предотвращение искажённого влияния на восприятие избирателей, поскольку синтетически созданный контент способен вводить граждан в заблуждение.

М. А. Липчанская и Е. А. Отставнова отмечают, что применение ИИ в реализации права социального обеспечения оправдано, но не должно снижать коммуникативную составляющую в обществе [21, с. 75]. Высокий инновационный потенциал ИИ объективно стимулирует формирование таких правовых и этических условий, при которых его использование будет ориентировано на общественное благо при минимизации рисков.

Сравнительно-правовой анализ: опыт стран Азии. Китай в «Этических нормах ИИ нового поколения» (2021) закрепил принципы справедливости, предотвращения предвзятости и уважения к общественным ценностям. «Временные меры» (2023) прямо запрещают генерацию контента, подрывающего социалистические базовые ценности [6]. Сингапурский Model AI Governance Framework (обновлён в 2020 г.) делает акцент на «человекоцентричном» подходе, требуя от организаций обеспечивать прозрачность и подотчётность алгоритмов [17]. Южная Корея в законе о содействии развитию ИИ (2024) предусматривает обязательную оценку этического воздействия ИИ-систем высокого

риска [7]. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в Принципах ИИ (2019) сформулировала ключевые требования к ответственному использованию ИИ, признанные большинством азиатских государств [22]. Рекомендация ЮНЕСКО по этике ИИ (2021) также служит ориентиром для формирования национальных подходов [23].

7. Сравнительная типология подходов к конституционно-правовому регулированию ИИ

Проведённый сравнительно-правовой анализ позволяет выделить несколько моделей конституционно-правового регулирования ИИ в социальной сфере.

Модель комплексного государственного регулирования (КНР) характеризуется принятием специализированных нормативных актов, непосредственно регулирующих генеративный ИИ, рекомендательные алгоритмы, дипфейки. Данная модель обеспечивает высокую степень государственного контроля, но может ограничивать инновационный потенциал.

Модель мягкого регулирования (Сингапур, Япония) опирается на добровольные этические рамки, стандарты и руководства. Model AI Governance Framework Сингапура и японские «Социальные принципы человекоцентричного ИИ» (2019) носят рекомендательный характер, стимулируя ответственное поведение разработчиков без жёстких законодательных запретов.

Модель секторального регулирования (Республика Корея, Индия) сочетает рамочное законодательство об ИИ с детализацией регулирования в отдельных отраслях (здравоохранение, образование, финансы). Южнокорейский закон о содействии развитию ИИ (2024) устанавливает общие принципы, а отраслевые акты конкретизируют требования.

Российская модель находится в стадии формирования. Национальная стратегия развития ИИ [1] задаёт стратегические ориентиры, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [24] и Федеральный закон «О персональных данных» [15] создают общую нормативную базу, однако специализированный закон об ИИ отсутствует. Опыт азиатских юрисдикций свидетельствует о целесообразности движения в сторону комплексного регулирования с элементами секторального подхода.

8. Направления совершенствования конституционно-правового регулирования

На основании проведённого исследования представляется возможным сформулировать следующие предложения по совершенствованию конституционно-правовых механизмов защиты социальных институтов от негативного воздействия ИИ.

Во-первых, целесообразна разработка специализированного федерального закона об ИИ, учитывающего опыт закона о содействии развитию ИИ Республики Корея (2024) и «Временных мер» КНР (2023). Такой закон должен содержать определения ключевых понятий, классификацию ИИ-систем по уровню риска, механизмы ответственности и требования к прозрачности алгоритмов.

Во-вторых, необходимо закрепление обязательной оценки этического и социального воздействия ИИ-систем высокого риска перед их внедрением в сферы, затрагивающие социальные институты (здравоохранение, образование, семья, религия), по аналогии с южнокорейской моделью.

В-третьих, требуется развитие механизмов защиты прав несовершеннолетних в цифровой среде с учётом опыта закона КНР о защите несовершеннолетних (2020) и Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [25].

В-четвёртых, представляется обоснованным создание специализированного экспертного органа по оценке социальных последствий внедрения ИИ, аналогичного южнокорейскому Комитету по политике в области ИИ или сингапурскому Advisory Council on the Ethical Use of AI.

В-пятых, критически важным является инвестирование в человеческий капитал: разработка программ повышения квалификации специалистов, обеспечение инклюзивности и предотвращение углубления цифрового неравенства. При этом, как справедливо отмечают Н.А. Калашникова и О.А. Родин, вопросы избыточности интеграции ИИ в повседневную жизнь будут оставаться актуальными [26, с. 113].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Влияние ИИ на систему социальных институтов носит сложный и противоречивый характер, сочетающий значительный модернизационный потенциал с серьёзными конституционно-правовыми, этическими и социокультурными

вызовами. Предложенная авторская типология рисков (обратимые, условно обратимые и необратимые) позволяет дифференцировать подходы к правовому регулированию в зависимости от степени тяжести последствий.

Сравнительно-правовой анализ опыта азиатских юрисдикций свидетельствует о наличии нескольких моделей регулирования, каждая из которых имеет свои достоинства и ограничения. Для российской правовой системы наиболее перспективным представляется синтез комплексного и секторального подходов, апробированных в КНР, Республике Корея и Сингапуре.

Конституционно-правовая защита социальных институтов от деструктивного воздействия ИИ должна опираться на принцип пропорциональности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) и обеспечивать баланс между стимулированием технологического прогресса и сохранением сущностного содержания конституционных прав. Институционализация междисциплинарного диалога между разработчиками, законодателями, социологами, философами, теологами и представителями гражданского общества является необходимым условием формирования ответственного подхода к развитию ИИ, учитывающего многообразие социальных, культурных и ценностных контекстов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. — 2020. — 4 июля.
2. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. Указа Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124) // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 41. — Ст. 5700.
3. Трофимова И. Н. Искусственный интеллект и социальные институты: ко-эволюция в условиях растущей сложности современного общества // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 г. — Санкт-Петербург: Издательский дом «Сциентиа», 2023. — С. 893–895.
4. Андреева Ю. В., Фахрутдинова Л. Р., Даутова Р. В., Телегузова Д. А. Влияние бытового искусственного интеллекта на детско-родительские отношения // Образование и саморазвитие. — 2025. — Т. 20, № 2. — С. 97–109. — DOI: 10.26907/esd.20.2.08.
5. Колобаева Н. Е., Несмеянова С. Э. Информационная безопасность несовершеннолетних и право на доступ в интернет // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2020. — № 6. — С. 15–25.
6. Временные меры по управлению генеративными сервисами искусственного интеллекта (КНР, 2023) = 生成式人工智能服务管理暂行办法. — URL: http://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата обращения: 10.02.2026). — Текст: электронный. — На кит. яз.
7. Закон Республики Корея «О развитии искусственного интеллекта и создании основы доверия» (인공지능 발전과 신뢰 기반 조성 등에 관한 기본법), Act No. 20676, 21.01.2025 // Korea Law Translation Center. — URL: <https://elaw.klri.re.kr> (дата обращения: 10.02.2026). — На кор. яз.
8. NITI Aayog. National Strategy for Artificial Intelligence: #AIforAll. New Delhi, 2018. URL: <https://niti.gov.in/national-strategy-artificial-intelligence> (accessed: 10.02.2026). Text: electronic. In Eng. — на англ. яз.
9. Концепция развития искусственного интеллекта в Республике Казахстан на 2024–2029 годы: утв. постановлением Правительства Республики Казахстан от 2024 г. — URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 10.02.2026).
10. Малышкин А. В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. — 2019. — № 3. — С. 444–460.
11. Рудь И. С. Влияние искусственного интеллекта на формирование религиозной идентичности личности в начале XXI века // Наука. Искусство. Культура. — 2024. — № 1 (41). — С. 168–177.
12. Kimura T. Robotics and Religion in Japan: Ascription of Agency to Non-Human Entities // Zygon: Journal of Religion and Science. — 2022. — Vol. 57, No. 4. — P. 973–990. — На англ. яз.

13. Bhatia G. *The Transformative Constitution: A Radical Biography in Indian Constitutional Law*. — New Delhi: HarperCollins India, 2019. — 416 p. — На англ. яз.
14. For citation Correia, P. M. A. R., Pedro, R. L. D., & Videira, S. (2025). Artificial Intelligence in Healthcare: Balancing Innovation, Ethics, and Human Rights Protection. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(1), 143–180. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.7>
15. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (Ч. I). — Ст. 3451.
16. Закон Китайской Народной Республики о защите персональной информации (PIPL, 2021) = 中华人民共和国个人信息保护法 // National People's Congress. — URL: <http://www.npc.gov.cn> (дата обращения: 10.02.2026). — На кит. яз.
17. Personal Data Protection Commission; Infocomm Media Development Authority. *Model AI Governance Framework*. 2nd ed. Singapore, 2020. URL: <https://www.pdpc.gov.sg/help-and-resources/2020/01/model-ai-governance-framework> (accessed: 10.02.2026). — На англ. яз.
18. Шобонов Н.А., Булаева М.Н., Зиновьева С.А. Искусственный интеллект в образовании // Проблемы современного педагогического образования. — 2023. — № 79–4. — С. 285–292.
19. Курьян С.М., Петрушкевич М.А. Применение технологии искусственного интеллекта в образовании. «Приоритет 2030» как ориентировочная основа для совершенствования образовательного процесса в вузе // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — № 6 (109). — С. 264–270.
20. Ministry of Education, Republic of Korea. *AI Digital Textbooks for 2025 to Realize Personalized Education for All*. Seoul, 2024. URL: <https://www.moe.go.kr/boardCnts/fileDown.do?fileSeq=8afb684d0601acc329a0d17755220df0> (accessed: 10.02.2026).
21. Липчанская М.А., Отставнова Е.А. Конституционно-правовые и нравственные основы использования искусственного интеллекта в реализации социальных прав и свобод человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2020. — № 3 (134). — С. 70–80.
22. OECD Principles on Artificial Intelligence. — Paris: OECD, 2019. — URL: <https://oecd.ai/en/ai-principles> (дата обращения: 10.02.2026). — На англ. яз.
23. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence / UNESCO. — Paris, 2021. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 10.02.2026). — На англ. яз.
24. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (Ч. I). — Ст. 3448.
25. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 1. — Ст. 48.
26. Калашникова Н.А., Родин О.А. Долгосрочные последствия интеграции искусственного интеллекта в общественную жизнь: риски и угрозы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 10–2 (97). — С. 110–116.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Дмитриенко Вячеслав Андреевич, аспирант кафедры конституционного и административного права Юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)». E-mail: asp23dva483@susu.ru